

Рецензия: Нам И.В. ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ (1880–1920-е гг.) / А.А. ИВАНОВ, Л.В. КАЛЬМИНА, Л.В. КУРАС (Иркутск: Отгиск, 2012. 300 с. 500 экз.)

Говоря о переломе эпох (XIX–XX вв.), российская историография традиционно рассматривает экономические преобразования в империи, бурное железнодорожное строительство, рост банковского капитала, создание общенационального рынка и прорыв России в число ведущих империалистических держав. Применительно к региональной истории российская историография не изменяет сложившейся традиции. Более того, исследователи стремятся найти некую «изюминку» (и не без оснований), дабы показать особость своего региона в этом переломе. И уж, конечно, у ученых и в мыслях нет связать перелом эпох с пенитенциарной системой и тем более с революцией и Гражданской войной.

Недавно опубликованное исследование предшественников иркутской исторической школы ломает сложившиеся стереотипы и заставляет посмотреть на перелом эпох не только комплексно, но и через призму региональной истории, забайкальского варианта.

Структурно монография состоит из трех достаточно автономных сегментов: история ссылки в Забайкалье (XVII – начало XX в.), модель экономического развития региона на рубеже XIX–XX вв. и подъем национального и социального движения в начале XX в., завершившегося не только социальным переворотом, но и социальным компромиссом (ДВР), последовавшим за братоубийственной войной. Каждая из поставленных проблем могла бы стать самостоятельной темой исследования. И потому попытка ученых соединить как бы несоединимое изначально воспринимается не более как стремление к оригинальности. Однако по мере внимательного прочтения обнаруживается не просто единая сюжетная линия, но и общая концепция монографии: прорыв в экономике, который, казалось бы, обязан по определению привести общество к позитивным переменам, не обязательно влечет к социальным преобразованиям. Более того, в силу неравномерности социального развития, устаревших форм взаимоотношений и существенного отставания от экономического развития общество не просто замирает на определенном этапе, но и становится на краю пропасти, оказывается на пороге социального взрыва.

Эта концепция как нельзя полно ложится на Забайкалье – отсталую окраину Российской империи, где и к началу XX в. сохранились элементы феодального способа производства, значительный процент ссыльнопоселенцев, кочевой образ жизни автохтонного населения. В то же время в начале XX в. Забайкалье в силу смены политического вектора получает возможность не просто вырвать-

ся из полуколониальной зависимости от имперского центра, но и реального экономического прорыва. Поворот политического вектора на восток империи был обусловлен, естественно, не особой любовью царского двора к месту традиционной каторги и ссылки, а реальными событиями, продиктованными поражением в Русско-японской войне, выгодным геополитическим положением Забайкалья, стремлением создать мощный промышленный плацдарм для будущего театра военных действий и проложить железную дорогу в Монголию, чтобы реально контролировать огромное пространство Центральной Азии. Однако благие намерения и реальные начинания тормозились существованием принудительного каторжного труда, что тяжелыми оковами повисло на забайкальском обществе, мешая ему перейти от традиционного уклада к промышленному. К этому следует добавить национальную составляющую, когда традиционное бурятское сообщество активно выступало за сохранение органов местного самоуправления – Степных дум, переросшую в идею национальной государственности. Кстати, эту идею впоследствии активно использовали как лидеры белого дела в лице атамана Семенова, так и японские милитаристы. Все это способствовало возникновению «гремучей смеси», которая должна была привести к социальному взрыву. В то же время Забайкалье отличалось необычайной толерантностью и веротерпимостью, обусловленной всем ходом экономического, социально-политического и национального развития. Это выразилось: в отсутствии самостоятельных большевистских организаций, которые не возникли даже после установления Советской власти; в бурном росте национального движения, приведшего к созданию Бурнацкома и возникновению национальной автономии; существовании реальной «третьей силы», стремившейся направить революционный порыв в демократическое русло; в классическом проявлении атаманщины в лице Г.М. Семенова, опиравшегося на панмонголистов; создании «буферного» государства, легитимность которого и по сей день вызывает сомнение.

Все эти «несоединимости» легли в основу монографии и свели воедино трех известных специалистов по истории политической ссылки (А.А. Иванов), экономической истории (Л.В. Кальмина), истории Октября и «атаманщины» (Л.В. Курас), результатом чего и стало рецензируемое сочинение, которое, несомненно, хотя и найдет своего критика, но не останется незамеченным.